

РЕЧЬ О КАТУЛЛЕ

ВРЕМЯ

Гай Марий — консул, и Сулла, и он консул, взял Афины, бьет Митридата при Херонее и Орхомене, побил, четыре года воюет на Востоке, и вдруг — срочный марш в Рим. Оказывается, в Риме еще один консул, Цинна, мечом разбил сулланцев, с ним соединился Марий, конфискации, они ставят на площади Доброй Богини на колени 100 сенаторов; ночью бросили их в костры. Объявляются новые выборы консулов, во второй раз избран Цинна, в седьмой Марий. Через несколько дней Марий умер. Сулла не стерпел крови за своей спиной, высадился в Брундизии, и в начале октября он уже у Коллинских ворот, что ведут в Рим с севера. Марианцы разбиты, Сулла взял Рим. Террор, проскрипции, убиты 90 сенаторов и 2600 всадников. Сулла создает гвардию из десяти тысяч корнелиев — это отпущенные рабы казненных, те, кто доносил на хозяев. Суллу провозглашают диктатором на неограниченный срок, но конец его необычен: он снимает с себя полномочия, едет на виллу и живет еще около года, охотится, рыбачит, пишет мемуары. Сулла верил в путеводную звезду, называл себя Феликсом, имея ум и вкус, народ он презирал. Восстание. Спартак не раб, фракиец из царского рода Спартокидов, офицер римских войск, в наказание за что-то попал в гладиаторы; через полгода

он вновь свободен и учит фехтованию в той же школе. А потом Спартак бежит, взяв горсть друзей, на огонек в горах собираются беглые рабы, нищие крестьяне, а на них из Рима идет претор Клодий (запомним его!) с тремя тысячами солдат, он занимает единственный спуск с горы, отрезает пути, а наверху сидят 200—300 людей Спартака, плетут веревки из виноградных лоз, из ивовых прутьев, делают лестницы и спускаются в ночь, в тыл. Они не бегут, а нападают,— разгром Клодия! Второй претор Вариний, идущий из Рима, разбит, а солдаты входят в войско Спартака. В сенате паника, идут еще два консула с двумя армиями. В битве при городе Мутине Спартак разбил Кассия, наместника Галлии, и повернул в глубь Италии. Его армия огромна — 120 тысяч и свыше, кроме италийцев — фракийцы, греки, галлы, германцы. В Риме шум. Сенат ведет на битвы шесть легионов во главе с Крассом, у того чрезвычайные полномочия. Но и Красс разбит не однажды, он просит сенат ввести в бой еще двух — Лукулла и Помпея, это уж сверхполководцы. Красс ставит легионы и казнит каждого десятого (своего!) солдата — децимация, как пишут историки, «для поднятия воинского духа». Спартак идет от победы к победе, но не на Рим, а договаривается с пиратами и за золото собирается морем уйти в Сицилию, но его обманывают. И вот Спартак с войском заперт на узкой прибрежной полоске, и Красс велит рыть ров через перешеек (как Клодий!), чтоб отрезать рабов от Рима. Но в темную ночь, в бурную непогоду, завалив ров людьми и лошадьми, Спартак

провел войско сквозь легионы Красса, теперь путь в Брундизий, отплыть от Италии. Последний бой был в Апулии. Спартак пал на поле, заколов своего коня. После смерти его шесть тысяч раненых пошли к северу, где их встретил полководец Помпей. «Это я вырвал корни рабской войны,— писал Помпей,— они дрались, как герои». Они дрались против 90-тысячного войска Помпея, один к пятнадцати, и среди них шесть мальчиков — сыновей германского царя Кригса — и пять внуков царя — грека Эномая. Это были уже не герои, а дети, и эти шесть тысяч распяли на крестах по дороге от Капуи до Рима. Плутарх, Саллюстий, Тацит единогласно восхищены Спартаком. Интересно отметить: 120 тысяч спартаковцев четыре года ежедневно ели, пили и ковали оружие в центре Италии, беспрепятственно.

С 1 января Цицерон консул. Великий Цицерон считал, что историю должны писать ораторы, красноречиво, ведь оратор — это эффект, театр, так и возник «заговор Катилины». Что кричит Цицерон о политической программе Катилины: «Он хочет предать Рим огню и мечу!» — сильно, но не конкретно. А о самом Катилине Цицерон пишет: «За последние годы в Италии нет ни одного убийства, отравления, прелюбодеяния, изнасилования, грабежа и растления малолетних, где б Катилина не был организатором и участником!» Вдохновленный этими сведениями Цицерона-непогрешимого, Плутарх пишет, что Катилина изнасиловал собственную дочь и жил с нею, а брата убил. Дальше — больше: «Катилина и его люди ели мясо, отрезанное от римлян!»...

Между тем еще четыре года назад Катилина претор, наместник провинции «Африка», он легально выдвигает в консулы себя — пять раз, не прошел, и он покидает Рим, мирно. Когда Катилина уехал, Цицерон вскричал на весь Рим: «Он уехал, он удалился, он бежал, он вырвался!» А Катилина в Этрурии объявляет себя консулом, считая, что так Риму лучше. Его дело! А друг его Корнелий Лентул шумит в Риме, требуя себе власти, а трибун Леций Бестиа всенародно критикует Цицерона. Великий Цицерон в страхе — вот-вот снимут, и тут на сцену выступают аллоброги. Кто это? Малое племя, униженное налогами, пришло в Рим с жалобами на магистратов. Лентул шумный внушает им золотые надежды, но аллоброги уже знают римлян по своим спинам и доносят Цицерону, что Лентул его не любит. Цицерон предлагает аллоброгам: потребуйте от Лентула письма, где б он своею рукою написал, что переманивает вас против меня. И Лентул, и другие дают письма с подписями и печатями аллоброгам, это в Риме в порядке вещей, ведь консул сменный, и Цицерон берется за режиссуру.

В ночь на 3 декабря аллоброги с Титом Вальтурцием (катилинарий!) едут из Рима, вот и Мульвийский мост. «Стоять! — окружают солдаты. — Приказ Цицерона задержать, обыскать!» Ищут и находят... Бумаги везут к Цицерону, и он кричит: арестовать! Утром на заседании совета сената допрос, писал ли Тит Вальтурций письма — писал, а что, все пишут, — не что, а кто, кто еще с тобой? И Тит говорит, кто. О чем же письма, в конце концов? О том, что без Цицерона при новых консулах пле-

менам аллоброгов будет лучше. Заговор раскрыт. Цицерон купается в овациях, он читает знаменитую речь: я Ромул. Катилинарий под арестом. Тогда говорит претор Гай Юлий Цезарь, против Цицерона, что это провокация и суд незаконен. Но Цезарь еще не тот — он еще молод, и пятеро жертв драматургии великого оратора удушены в подземелье Мамертинской тюрьмы, их имена: Лентул, Цетег, Габиний, Статилий и Цепарий. В результате этой инспирации Цицерон стал отцом отечества, императором в мирной тоге. На этом деле он заработал 7,5 миллионов сестерций (по конфискациям).

Я не называю дат, а одни имена, я крашу статью в цвет Катулл, его времени, и ни об одном из этих событий Катулл не написал ни буквы.

ЖИЗНЬ

Гай Валерий Катулл родился в городе Вероне, в долине По, в Цезальпийской Галлии; чем занимались отец и мать, неизвестно, род Валериев — древний, богатый, с линиями от этрусков. У отца Катулл вилла на юге озера Гарда, где жил часто и подолгу Цезарь. Наместник Цезальпийской Галлии — Квинт Метелл Целер, сенатор, в его жену Клодию Катулл влюблен — бывает. Катулл живет везде, отец построил ему виллу в 40 км к востоку от Рима, и поэт ездит туда болеть и пить отвар из крапивы, смешанный с вином. У Катулл дом в Риме. В Риме компания, молодежь из золота, а затем Метелл становится консулом и тоже

едет в Рим, с Клодией. Напрасно считают Метелла бесцветным, он цветной. Его сестра Муция — жена Помпея, сам он народный трибун вместе с Катонем неподкупным, а затем консул. Он не дал судить старика сенатора Гая Рабирия, будучи претором, самовольно опустив знамя комиций, что значит — «суд закрыт, беру на себя». И опять же он с Катонем неподкупным выступают против сценических реформ Цицерона. Метелла (консула!) бросают в тюрьму, где он и умер.

Ложно понятые элегии Катулла родили европейскую литературу о брачных узах. Хуже догадок домыслы, одни договорились до того, что любовь к некоей проститутке Катулл заgrimировал под любовь к великосветской львице, другие, что у Катулла с Клодией роман был еще в юности, а затем он воспел по воспоминаниям свой пыл, ретроспективно. В 27 лет ретроспекции! Это говорит не о качестве Катулла, а об авторах анекдотов, всем хочется реализма. Любовь никогда не была досугом, наравне с войной это дело, его стоит одолеть, но никому не удавалось, ведь и никто еще не выигрывал войн, обе стороны гибнут. А торжествуют одни интерпретаторы.

Напрасно ругают и Клодию, жену Метелла, ведь при жизни мужа у Катулла с нею (по его же признаниям!) дальше поцелуев не пошло. Любовная линия Клодии начинается после смерти Метелла. У нее один любовник — Целий, и будто бы она хотела отравить этого Целия. После речи Цицерона «За Целия» — против Клодии мнимая любовница.

Речь Цицерона бессовестная, у него связь с одной из сестер Клодии, он оправдывается перед женою, уничтожая чужие жизни; пошляк. Но оставим его (см. ниже). Больше ни об одном романе Клодии неизвестно, имен нет. Любовь Катулла чиста, Клодия чиста.

В Риме Катулл никем не служит, известна одна поездка на похороны брата в Троаду и вторая в ту же сторону, в Вифинию, с претором и когторгой Гая Меммия «за тряпками», но наряжаться не ездят около года и по такому странному маршруту (мы об этом напишем). Возвратившись, Катулл умер. Но это версия; может быть, он еще жил, но не писал. Антологически ему было 30 лет.

ЛЮБОВЬ

Это Клодий Пульхр (см. выше) виноват в той путанице, что традиционна в римских любовных скандалах. Как выходил Цезарь в мир? Да, убил миллион германцев и миллион пленил, грабеж Испании, травит белгов, но о нем добрая слава — делился с солдатами, не пил, не роскошествовал, а, скажем, ел обед из жареной птички, а ужин из слив. Банкир Цецилий Руф отправлял ему телеги-гиганты, и эти деньги шли солдатам, и это знал Рим. Избранный эдилом, Цезарь вывел на арену 320 пар гладиаторов в серебряных доспехах, — народ рад! Цезарь — городской претор, комендант римского гарнизона, только-то, когда выступает квестор и «любимец народа» (официальное звание) Клодий. В день

праздника Доброй Богини переодетый в женское Клодий проник в дом Цезаря, где и отмечал Рим святой день. Мы не знаем, что было, но Клодий пойман за руку с женою Цезаря. Дело Клодия об оскорблении святынь дня смотрит сенат. Вопрос: имело ли место святотатство, а точнее, прелюбодеяние в день Доброй Богини, что каралось смертью. Коллегия понтификов заявила — да, он виновен. Начался суд, и это-то и стало началом исторических неточностей. По римским неписаным обычаям в роду, скажем, Юлиев — сын обязательно Юлий, и сколько ни будь у него сестер, все они Юлии. Так у Клодия три сестры Клодии: первая — ушедшая жена от банкира Цецилия Руфа, вторая — жена полководца и гастронома Лукулла, третья — жена наместника Галлии, консула Метелла, эту мы оставим Катулле. Но — боги! — была и четвертая, сводная, но тоже Клодия, любовница Цицерона. Начинается суд. На суде Лукулл обвинил Клодия в кровосмесительной связи с сестрою (она же жена Лукулла), потом эту связь историки перекинут на другую сестру, жену Цецилия Руфа. Но далее: жена Цицерона Теренция ревнует к сводной сестре Клодия и выжимает из консула соки, и Цицерон выступил против Клодия. Это Рим насмешило. Рим, но не нас, я просил бы читать внимательно то, что я пишу об этом, я точен, но и мне трудно. Впоследствии, уже в трактате «За Целия», где Цицерон защищает сына миллионеров от бедной вдовы, Цицерон обвинит Клодию, жену Метелла, что она отравила мужа и хотела отравить Целия (не Цецилия!), что

она же была и любовницей своего брата Клодия. Выходит, что Клодий сожительствовал со всеми своими тремя сестрами, а все четыре отравительницы. Это уже мелодрама.

Вернемся ж к суду. Усталый от эмоций, суд спросил Цезаря прямо: ... ли в тот день Клодий его жену? Ответ Цезаря историчен: «Жена Цезаря выше подозрений». Ну что ж, Рим рукоплещет Клодию, он оправдан сенатом — 31 голос против 25, так Клодий входит в историю, самый буйный трибун той эпохи, он требовал освобождения рабов, аграрных реформ для солдат и т. д. и т. п.

Говоря о «социальной» борьбе в Риме, нужно б учитывать женский вопрос: тетка Цезаря — жена Гая Мария, первая жена Цезаря — дочь Корнелия Цинны, вторая — дочь Помпея, Помпей просит у Цицерона двух племянниц или дочерей (по выбору), для себя — одну, а другую своему сыну в жены, до этого Помпей женат на сестре Метелла, Помпей же и женился на дочери Цезаря Юлии.

Катулл крутится в этом кругу, без предрассудков, а мы попробуем перечислить тех, кого любит Катулл, пока пишет книгу мировой лирики (полтора года). Литературно его любовь Лесбия, и это имя говорит о наклонностях, «птенчик», с которым играет подруга и держит его на лоне, а тот клюет это лоно, на латинском все ж не живот, а детородное место, «чтоб пыл унять», вот птенчик умер, сюжет исчерпан, любовь с лесбиянкой безымянна. Вот вторая девица встает с колен Катулла,

чтоб сесть с богатыми пить, пьет, а они любят ее по очереди. К слову, вряд ли жена наместника Цезальпийской Галлии и консула Римской империи бедна до того, чтоб пить с богатыми. А вот Катулл ругает Равида, что он спит с теми же женщинами, что и Катулл. Еще одна, Амеана, требует алименты с Катулла, а он считает, что она сумасшедшая. А вот ляпсус целомудренного однолюба: Катулл просит Ипсипилу отдаться ему днем, девять раз, не отдыхая. Любовь к одной не объяснение любви Катулла, в любовной лирике он шире, в жизни он широк необычайно, он сулит всем утысячеренные вещи, он говорит: друзья, передайте любимой (еще одной), желаю счастья ей в разврате, пусть валяется сразу с тремястами мужчинами и никого не любит! Другую шлюху он ругает, называя ее, к примеру, галльским кобелем, вонью и очень чистой. Или же — изыск злого ума и поворот Эроса: стихи о Лесбии, где тысячи тысяч поцелуев, и тут же о Ювенции: «Твои глаза, Ювенций, я целовал бы триста тысяч раз». Справа эпистола к девочке, слева к мальчику, есть разница в любви у Катулла? Нет, слова одни и те же. С Геллием они живут втроем с одной, с Камерием гуляют по одним и тем же мальчикам. К Ювенцию не меньше стихов, чем к Лесбии. Тверда любовь Катулла и к Альфену, юристу.

Это Рим, это Рим... но целомудренная любовь Катулла к Клодии несомненна, я б сказал — художественно закономерна, как высшее несоединение, как антитеза римской двуполости. Этой двуполости не надо удивляться, мы объясним.

Миниатюры Катулла не нуждаются в глубокомыслии или трактовке, у него прямая речь, гениальность. Рим позволил языку говорить так, как хочет язык, отсюда Катулл. То же и теми же словами говорили Марий, Сулла, Красс, Кассий, Спартак, Метелл, Цезарь, Клодий и четыре Клодии, Цицерон, банкиры, гетеры и офицеры, парикмахеры, массажисты, хирурги, сенаторы, плебс — римский мир в прямой речи, кружок Катулла и ввел ее в поэтику, а через два тысячелетия стали называть это смешением низкого и высокого стилей, а мы б назвали эстетикой без границ. Мы б сказали, что ограниченная эстетика — это не эстетика, а культура, что стыдливые не берут в ладони листы словесности, что солнце не боится нагих, что жизнь — это смерть, и это не страшно никому, кроме тех, кто навязывает мораль. Мораль — это всегда низкая норма культуры, а искусства она унижает. Вдумаемся: морально лишь то, чего в жизни нет. Сквернословит век, а требует писать песнь высших нравов, будто они боги (рифмотворцы). Льют кровь народные трибуны, а кричат: «Мы милосердны», а они провокаторы, я говорю о Риме и рисую ту эстетику.

Друзья-поэты и Катулл живут и пишут, занимаются книжной наукой, это не досуг, они живущие и пишущие. Они не копают рвы, не рубят берега рек, не сидят в канцеляриях с саблями, не вьют свиты народных трибунов. Они называют книги «Безделки», но размеры их редкие, греческие, узор ритмов непереводим.

Катулл — эстетик, грубость его не унижает, а смешна, Катулл — это язык психеи, и он умеет выбирать и нюансы и образ, когда важен весь вид, он поэт геометрических форм и замкнутых кругов, жизнь в социуме ему неинтересна, он сам себе трудноуправляемый мир, и работы хватает. Речи Цицерона путают с поэтикой, о нет, он оратор, его строения спекулятивны, он говорит «да» и «нет», он делит мир на тезу и антитезу. Эстетик оставляет открытую фразу, вне выводов. Цицерон учит правильно строить речь, а ничего нет аморальнее для искусства, чем правильность речи. Сам стихотворный размер у Катулла уже не говорлив, а ритмологичен, условен, искусна и его грамматическая речь, как угодно звенящая. Рим — широкий разворот, событийный, а о конкретике у Катулла ни слова, ни слога, потому что ему все только материал для стихов, и Рим, и окружение друзей, и мифодревность, и 300 женщин, он осмелел до того, что стал называть себя Катуллом, что прежде не было принято в поэзии.

Постановка «я» самое трудное в эстетике, над плоской реальностью голоса не звенят (собственные!), а общие — не пение. Эстетика — это область свободной психики, скрытие себя. Есть один способ скрыться: называть себя прямым именем, чем чаще, тем верней, имя становится символичным, автора нет, равнины рады. И действительно, что мы знаем о знаменитейшем Катулле? Стихи рельефны, цветные, многозвучие внутренних рифм, красота инверсий, время его гремит нюансами жизней, судеб, смеха, слез, мужества, а где лицо по имени Катулл, цвет рта,

рост, глаза, куда-сюда ходил? — Ничего не знаем, это-то и бесит пунктуалистов: нет портрета. Нет могилы, нет статуи над нею, жизнь недостоверна (нет точных дат). И тут мы у категории бытия иного типа, вполне реального: мисты.

Вспомним Эмпедокла: то ходит с волосами до земли, огнисто-черными, то выбрит со лба, то водит толпы по острову, то мог быть в нескольких местах в одно и то же время. Эмпедокл лечил даже сумасшедших и создал такую систему натурфилософии космоса, что и теперь мы в диве. Я о том же, это не отступление: нет портрета Эмпедокла. Нет могилы. Есть девять версий смерти этого гения, их пишет ~~Ксенофонт Лирийский~~, и одна из них — бросился в Этну, сжег себя. Есть скульптура Эмпедокла: образ из камня, закрытый каменным покрывалом: мист. Лицо без лица. Мист в переводе с греческого — закрытый покрывалом. Это не святой, а просто участник мистерий, он мог вести любую физическую жизнь, но он эстетик.

Плиний Старший считал, что сила львов в их взгляде. Не знаем, скорее уж в рыке, ведь пока глянешь на льва, уж будешь съеден. Дело в рыке, в каменной завесе на лице льва и в звуках, рычащих из-за завесы. Страшно. Дело в голосе. Песнь льва околдовывает животный мир, и он (лев) его (мир) — ест. Катулл — эстетик, энциклопедия психеи, перед нами книжка «Лирика», написанная за полтора года, 108 стихотворений — 108 Катуллов, он на редкость неповторим. Знаток александрийцев, он перефразирует Каллимаха, Сафо, мотивы Феогнида, Анакреонта, цитации из Теренция,

Плавта, это стихия, влитая в тяжко-легчайшие доспехи учености, ведь из этих сплавов получилось то, что и есть надкультура — полнокровие, стихи-дневники в ритмах, какими никто не пишет в мире: фалекий, гликоней, галлиямб, а в просветах — римская ругань, от которой и псы площадные идут в дрожь.

Смешон и нереален мир материи, и в этом его оторванность, или, как говорится, полная метафоричность, антибыт. И трагедия: стих, умноженный на стих, взаимно уничтожаются (см. выше параллелизм: Лесбия — Ювенций).

АТТИС

На склоне гор — лет Цицерон пишет незаметно-странный трактат «Гортензий», диалог, где говорят Цицерон, Гортензий, Лукулл и Катулл. Несовместимая четверка! От поэта осталась (нам!) одна книжка, не за безделки ж чванливый Цицерон воскликнул: «А ты, Катулл, близкий к богам, открой мне, что сбудется завтра со звездами и куда станет Сириус?» И дальше Цицерон равняет себе Катулла, что уже неожиданное чудо.

Через двести лет Катулла поднимет философская школа Гая — Альбин, Апулей, Нуммений и Аммоний Сакс, учитель Плотина. Апулея судят за чернокнижие и растление молодых, и единственный авторитет в его оправданиях — Катулл! Ничего себе, проклятые судами маги вызывают тень нецензурного поэта, чтобы быть чистыми?

Катулл первый в латинской эстетике поднял вопрос: «Кто Аттис?» — и ответил: «Это я».

Миф об Аттисе, выйдя из Фригии, обошел под разными именами мир и во Фригию же возвратился. Но как факт жизненно-эстетический этот миф зазвучал только в поэме Катулла «Аттис» и развернулся во всю ширь у неоплатоников второго и третьего потока — сирийских, пергамских и афинских. Вот в чем суть: Кибела — мать богов, а Аттис — ее сын, и он тоже бог. Мать влюбляется в сына, и они живут, она из космоса летает на землю, чтоб любить живое и живых. Но вот во время отлучки в облаках (Кибелы!) Аттис уходит с нимфой в пещеру и живет с ней, влажной. Кибела в гневе и требует обратного пути. Аттис не хочет. Тогда Кибела насылает на сына-любownika льва, кабана и целую упряжку диких зверей (свою!), кабан гонит Аттиса, но тот не сдается, и тогда Кибела насылает на него безумие (священное), Аттис оскোпляет себя кремневым ножом и возвращается к Кибеле. Теперь они вечно живут, он оставил тело, оболочку, и из нее каждую весну растут на земле цветы. Это пишут Арнобий, Саллюстий, а Фотий вспоминает, как философы Дамасский и Дор спустились в подземелье во Фригии (Гираполис) и каждый видел себя во сне Аттисом и участвовал в мистериях возвращения (оскопления). Это трактуется как несвязь с женским началом, только с божественным, а нимфа — женщина, она только становление, но не творчество.

Катулл пишет поэму об Аттисе как совпадение. Это Катулл мчится по морям во Фригию, а не Аттис, у бога нет кораблей, нет нужды в переездах. Это Катулл из устья По (поездка в Вифинию, последние биографические

данные) летит в Адриатическое море, из него в Ионийское, из него в Эгейское, оттуда волоком через перешеек до Коринфа, через Кикладские острова, во Фракию, на остров Родос, и в Черное море, и вот вам гора Диндим, и гора Ида, и фригийские жрецы. Удивительное совпадение: в мифологии у Аттиса два имени Аттис-Галл. Брата Катулла зовут Галл, и он умер в Трое, одном из городов — святилищ богини Кибелы. Галл не распространенное имя, вот в чем странность, в истории оно повторяется лишь через четыреста лет: у певца Аттиса и Кибелы, знаменитого императора Римской империи Юлиана Отступника, был брат — тоже Галл!

Юлиан пишет, что Аттис — сущность созидającego ума, в нем формы всех вещей, и самых низших, отсюда «вечность» поэтики Катулла для неоплатонизма. В иерархии сущностей и творцов Аттис — тот, чья творческая потенция идет от вершин звездного неба и до земли, он водитель хороводов пространств. Вот слова Юлиана: «Миф пишет, что Аттис рос у реки Галл. А когда он стал красив и возмужал, его полюбила Мать богов, она покрыла ему голову убором, украшенным звездами. И если Аттиса покрывает это видимое небо, то не считать ли реку Галл Млечным Путем? Вплоть до его пределов позволила Мать богов прыгать и танцевать своему красавцу и солнечным лучам уподобила этого мыслящего бога, Аттиса. А он в своем движении достиг крайних пределов, таких, как нисхождение в пещеру и брак с нимфой, символизирующий влажное материальное начало. Об этом говорится и у Гераклита: «Душам смерть стать влажными».

Римляне двуполы, Рим — последний народ, где нет мужского и женского, общий социум, это от греков; это от них Катулл.

Римская молодежь не без жеманства красила щеки, лежала в банях с вином, носила браслеты, а тут же в избытке женщины и кункубино. Ели языки соловьев и павлинов, мода на венки ежедневна, то василек, то гиацинт. Человек с чашей и красивой головою мог далеко пойти в политике. Плутарх: «Еще готовилась конница Помпея в атаку, как вышли вперед когорты Цезаря, и против правил они не метали копий и не били неприятеля в ноги, но по приказу Цезаря целили врагам в глаза и наносили раны в лицо. Цезарь рассчитывал, что молодые солдаты Помпея, кичившиеся красотой и юностью, не привыкшие к войнам и ранам, более всего испугаются такого нападения и не устоят перед угрозой быть обезображенными. Так и случилось. Помпеянцы обратились в позорное бегство».

Но это новобранцы и гражданские войны. Нужно (и важно!) не забывать, что римские молодые мужчины с детских лет живут в гимнасиях, закаляясь в телесной борьбе и клинках, они дурачатся, болтают, меняют пол, пьют и едят сверх ума, и это в порядке жизни. Перейдем на современный язык: каждый молодой римлянин — офицер запаса. По первому зову трубы «отечество в опасности» вставали как один и шли на северо-запад

грозные когорты, их шаг 7,2 км в час, 100 км в сутки норма перехода. Нечего говорить, что римские армии непобедимы, никто не победил.

Теперь посмотрим друзей Катулла. Корнелий Непот, историк-эрудит. Вераний и Фабулл, путешественники то в Испанию, то в Македонию. Аврелий и Фурий, застольники. Но это не поэты.

Кружок Катулла, поэты. Гай Лициний Кальв, сын Лициния Макра, трибуна, историка, покончившего с собой. Кальв малоросл, в Риме такой не мог стать ни оратором, ни политиком. У Кальва бараньи волосы и большие ступни, громадные, а людям он по грудь, друг Марка Брута, один из убийц Цезаря, носил свинцовые вериги, чтоб унять нрав. Квинт Корнифиций, лирик-эротик, пал в гражданской войне против Антония и Октавиана, сенатор. Гельвий Цинна — автор поэм о кровосмесительной любви, народный трибун, растерзан на похоронах Цезаря толпою, один из убийц Цезаря. Валерий Катон, родственник Катулла, или Катон неподкупный, Тицида — его друг, воспел Метеллу, дочь Метелла, о ней же пел и Гай Меммий. Все «новые поэты» Рима, как их презрительно называл Цицерон, пели об одной семье консула Квинта Метелла Целера, откуда и Клодия.

И наконец, Цезарь. Путь к властелину мира военный, но только в 51 год он решился встать на эту дорогу, иначе нельзя. Оглядим круги Цезаря, их нет. Единственный, кому он доверял до того, что жил в его доме, — отец Катулла. Если брат поэта — жрец во Фригии, то и отец имеет связи у тех. Цезарь многократно живет во Фригии, царь Вифинии Нико-

мед IV — интимный друг. Когда за крупные победы Цезарю предлагают ряд высокооплачиваемых должностей, он не берет ни одну, а просит чести быть верховным жрецом. Ничего себе честь, ни гроша плюс насмешки, ни один полководец не брал эту должность, и в голову не приходило, бездоходна, да и римляне атеисты. Однако при разборе египетских дел этот малозаметный жрец Цезарь принимает и египетское посвящение, и не надо удивляться, что он с одним легионом, то есть с тысячью матросов, взял Александрию, за стенами которой стояло 400 тысяч великолепного войска, в полной готовности.

Говорят, что ему открыли морские ворота иудей. Не думаю, в Александрии центр посвященных. Когда же в конце пути Цезаря избирают пожизненным консулом, то первое, что он делает, — отстраняет консульский жезл и надевает на голову пурпур первосвященника Мира. Об этой детали забыто. Ни один консул не смел и думать о том, что Цезарю досталось само собой: прижизненное обожествление, официальное. И если посмотреть биографии убийц Цезаря, нити их тянутся в Александрию, но со знаком минус, как у Кальва, Цинны, Кассия и др.

Говоря о друзьях, я говорю, что Катутллу было кому сказать слово, не одинок. Катутлл — это эпоха до цезарей. Рим беден, кровь, Катутлл родился, когда Цезарю 13 лет, Катутлл умер, и только спустя восемь лет Гай Юлий Цезарь с каской на груди войдет в реку Рубикон, это 10 января 49 года до н. э., первый день новейшей мировой истории.

Виктор Соснора